

ПРИВАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В АНГЛИЙСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ. ЧАСТЬ 1. КАУЗАТИВНАЯ СЕМАНТИКА

О.А.Залужная

Донецк, Украина

Summary: The present article highlights theoretical issues of privative verbs (hereafter PVs) pointing at coexistence of three heterogeneous linguistic categories in their semantic structure: causativity, possessivity and negation. In the process of the study semantic classification of PVs into 3 types (PVs of instrumental, social and verbal causation) based on causative component of PVs meaning is carried out enabling to come to generalizations and conclusions as for the features common and distinctive of English and Ukrainian.

1. Вводные замечания

Лишение – это универсальное понятие, которое находит свое выражение во всех языках мира. К наиболее изученным средствам выражения лишения можно отнести словообразовательные морфемы, например англ. *un-*, *ir-*, *im-*, *-less*; укр. *без-*, *не-*, *од-* и т.д. [Иванов 1995: 5-18; Озерова 1978: 14-41; Соколова 2003; Намаванд 2009]. Лишение как логико-философскую категорию впервые рассматривает Аристотель, который вводит в научный оборот понятие «привативности» (от лат. *privatio* ‘лишение, удаление’) для обозначения второго члена оппозиции «обладание – лишение» [Aristotle: 1983 85-86].

В современной лингвистике термин «привативность» используется преимущественно не в своем первоначальном значении, предложенном Аристотелем, а прежде всего в фонологии для обозначения одного из видов фонетических оппозиций [Trubetzkoy 2001: 19] и в дериватологии для обозначения отрицательных префиксов [Намавад 2009: 110-112; Lieber 2004: 109-111; Mazzon 2004: 112]. Тем не менее в ряде работ последних двух десятилетий прослеживается использование термина в его первоначальном значении [Heinemann 1995: 90; Hentschel 1998: 40; Kaliuščenko 2000: 20; Мельчук 1998: 425-427], однако следует отметить, что и в этих исследованиях не существует единого подхода к границам семантического наполнения понятия.

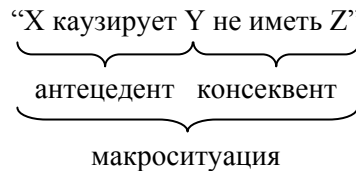
При широком понимании [Heinemann 1995: 90; Hentschel 1998: 40; Lieber 2004: 91, 100] привативность рассматривается как отсутствие кого-то/ чего-то или невыполнение какого-либо действия; к привативным отношениям причисляют статические и динамические отношения, содержащие сему «не обладания» (например, англ. *to lack*, *sleeplessness*, *legless*, *deaf*; укр. *бракувати*, *безсоння*, *безногий*, *глухий* и т.п.) или «лишения» (например, англ. *to disarm*, *to deprive*, *to cut off*; укр. *обеззброювати*, *позбавляти*, *відрізати* и т.п.).

Предложенное исследование базируется на точке зрения Вяч.Вс.Иванова и И.А.Мельчука, которые различают ситуации «не обладания» и «лишения», используя соответственно термины «каритивность» для ста-

тических и «привативность» для динамических отношений [Иванов 1995; Мельчук 1998: 425-427]. И.А.Мельчук объясняет разницу между сферами употребления привативных и каритивных значений с помощью следующих толкований: «привативность = ‘лишать’», «каритивность = ‘не иметь’» и отмечает, что привативность – это сугубо глагольная категория, а каритивность – категория, присущая как глаголам, так и прилагательным [Мельчук 1998: 428-429]. Например, от существительного рус. *вред* образуется привативный глагол рус. *обезвредить* и каритивное прилагательное рус. *безвредный*.

2. Теоретические основы исследования

Привативность – это семантически сложная производная лингвистическая категория, в которой взаимодействуют категория каузативности, посессивности и отрицания. Привативные глаголы (далее ПГ) представляют собой динамическую посессивную ситуацию лишения, которую можно представить при помощи следующей базовой формулы толкования (далее ФТ): «X каузирует Y не иметь Z». Предложенная ФТ содержит две микроситуации (каузативную и посессивную), которые связаны причинно-следственным отношением:

В семантике ПГ взаимодействуют три семантических актанта: X – каузатор, Y – объект каузативной ситуации и одновременно субъект посессивной ситуации (далее посессор), Z – объект посессивной ситуации (далее посессум), связь между которыми определяется следующим образом: X и Y связаны действием каузации, Y и Z – посессивным отношением. Однако в результате каузации, направленной на Y, отношение между Y и Z перестаёт быть отношением обладания и трансформируется в отношение не обладания, которое рассматривается в рамках категории отрицания.

Из-за такой семантической неоднородности (способности сочетать в своей структуре категории каузативности, посессивности и отрицания) различные аспекты изучения ПГ становятся объектом исследования ученых разных направлений в лингвистике. В рамках теории каузативности ПГ рассматривают как одно из лексических средств выражения обратной (по другой терминологии отрицательной) каузации [Сильницкий 1998: 254; Nedyalkov 1973; Shibatani 1976; Wierzbicka 1980]. С точки зрения категории посессивности ПГ представляют категорию «лишения» [Головачева 1995: 205; Иванов 1989: 41] и выражают ситуацию не обладания [Иванов 1995; Heine 1997]. Ученые, исследующие языковые средства выражения категории отрицания, определяют ПГ как лексические единицы, содержащие отрицательную сему на имплицитном уровне [Бондаренко 1983: 80; Паславская 1990; Heinemann 1995: 90; Hentschel 1998: 40; Martin

2004: 28]. Привативные глаголы также выступают объектом исследования в работах по общим и отдельным вопросам глагольной семантики [Болдырев 1994; Пославська 2004; Чудинов 1990; Kreidler 1998: 210-211].

Тем не менее, несмотря на значительное количество работ, в которых, так или иначе, рассматриваются различные аспекты категории привативности в целом и ПГ в частности, привлекает внимание отсутствие отдельных исследований, которые концентрируются исключительно на анализе семантики ПГ.

Категория привативности находит свое выражение на различных языковых уровнях. Во-первых, привативность может выражаться синтаксически на уровне предложения [Писаркова 1974], например англ. *He asked me to give him my pencil*, укр. *Він попросив, щоб я дав йому мій олівець*. Глаголы *to ask*, *to give* в английском языке и *просити*, *давати* в украинском не характеризуются привативной семантикой, но, сочетаясь в приведенных примерах, формируют привативную конструкцию, где «X (англ. *I*, укр. *Я*) каузирует (англ. *asked*, укр. *попросив*) Y (англ. *me*, укр. *я*) не иметь (англ. *to give*, укр. *дав*) Z (англ. *pencil*, укр. *олівець*).

Во-вторых, привативность выражается на лексическом уровне [Иванов 1995: 7; Сыкало 2007: 63-64], например англ. *to steal*, *to break off*, укр. *красти*, *відламати* и т.п. В данном случае значение «лишения» заложено в семантике слова и находит свое эксплицитное отражение в словарном толковании глаголов, например англ. *to steal* «to take something that belongs to someone else» [Longman 2007: 1624] ‘забирать что-то, что принадлежит другому человеку’, укр. *красти* «нишком привласнити чуже» [СУМ 1970: 328] ‘тайком присвоить чужое’.

В-третьих, категория привативности может находить свое выражение на уровне строения слова, заключая семантику лишения в различных словообразовательных элементах [Hamawand 2009: 110-112; Lieber 2004 109-111; Mazzon 2004: 112; Иванов 1995: 7-18], ср., например, английскую отрицательную приставку *dis-*, постпозитивные компоненты *away* и *off*, украинские приставки *від-*, *без-* и т.п.

В данной работе привативность рассматривается в ее узком смысле, как лексико-синтаксическая категория, присущая исключительно глаголам. ПГ представляют комбинацию лексического каузатива, динамической посессивной ситуации и имплицитной семы отрицания.

3. Методология и материал исследования

Как было отмечено ранее, динамическая макроситуация, которую выражают ПГ, состоит из двух микроситуаций: каузативной ситуации (далее КС) и осложненной семой отрицания посессивной ситуации (далее ПС).

Сочетая в своей семантике две разносистемные лингвистические категории, ПГ ставят перед учеными ряд проблем, так как представляется сложным (почти невозможным) провести всеобъемлющую семантическую классификацию глаголов, основываясь исключительно на каузативном или посессивном компоненте их значения. Вследствие этого в исследовании был принят комплексный подход к изучению семантики ПГ, когда учитываются как компоненты каузативной, так и посессивной ситуации.

Данная статья посвящена особенностям семантики компонентов КС в английских и украинских ПГ.

Исследование выполнено в рамках сравнительного языкознания, так как «межъязыковое сравнение даёт возможность объяснить лингвистический феномен в одном языке на новом и совершенно ином уровне» [Croft 1996: 6] и позволяет «понять сущность человеческой речи в целом» [Song 2001: 10]. Анализ семантики ПГ проводится на значительном эмпирическом материале из английского (947 ПГ) и украинского языков (1015 ПГ), что дает возможность сделать системные обобщения и наблюдения контрастивного характера. Выбор языков обусловлен, прежде всего, тем, что оба исследуемых языка, хотя и принадлежат к индоевропейской языковой семье, являются разноструктурными и значительно отличаются своим грамматическим строем и лексическим составом.

За единицу исследования была принята моносемантическая лексема, или, по иной терминологии, лексико-семантический вариант (далее ЛСВ), поскольку анализ словарных статей обнаружил, что, во-первых, один и тот же многозначный глагол в одном значении может характеризоваться значением разрыва посессивного отношения, а в других может не иметь такого. Ср., например, англ. *cut*₁ «to divide with a knife, etc.» ‘отделять при помощи ножа и т.п.’, *cut*₂ «deliberately miss (a class, etc.)» ‘намеренно пропускать (занятия и т.п.)’; укр. *пощипати*₁ «завдати кому-небудь втрат або матеріальних збитків» ‘ввести кого-либо в растраты или причинить материальные убытки’, *пощипати*₂ «щипати якийсь час» ‘щипать какое-то время’. Первые ЛСВ в обоих языках характеризуется значением разрыва посессивного отношения, вторые лексемы не имеют такой семантики. Во-вторых, глагол может иметь более одного значения, которое указывает на лишение чего-либо. Так, например, глаголы *to pluck* в английском языке и *видирати* в украинском являются многозначными с несколькими ЛСВ с искомой семантикой, например: англ. *pluck*₁ «to pull off or out with sudden sharp force» ‘выдёргивать неожиданно с большой силой’, *pluck*₂ «to pull the feathers from a bird» ‘выщипать перья у птицы’; укр. *видирати*₁ «рвучи, відокремлювати що-небудь од цілого» ‘отрывая, отделять что-либо от целого’, *видирати*₂ «забирати силоміць, виривати що-небудь у когось» ‘насилно забирать, вырывать что-либо у кого-то’.

4. Каузативная семантика

Непосредственными участниками КС являются каузатор и объект каузативной ситуации (в анализируемых глаголах одновременно выступающий субъектом посессивной ситуации), которые связаны отношением каузации. В исследовании семантика посессора рассматривается в рамках посессивной микроситуации, поэтому в данной статье внимание концентрируется на семантике каузатора и каузативного отношения между ним и посессором.

Семантика каузатора в обоих исследуемых языках не демонстрирует значительной вариативности, в основном указывая на каузатора-человека (94% текстовых примеров в английском языке и 92% в украинском языке), подтверждая тенденцию к общей антропоцентрической направленности

языка в целом и английского и украинского в частности [Гуйванюк 2001; Dirven 2004: 6]. Значительно меньшее количество составляют предложения, где каузатором выступают животные, птицы, растения и т.п. Незначительное количество случаев составляют глаголы, где каузатором выступает абстрактная сущность, природное явление (ветер, волна, молния и т.п.) или неодушевленный предмет окружающего мира. Вследствие такой несколько однотипной семантики каузатора классификация единиц исследования происходит на основе семантики каузативной связи между каузатором и посессором, что даёт возможность распределить языковой материал по трем семантическим типам, в которых каузация происходит при помощи: 1) инструмента, 2) общественно-социального и 3) вербального действия.

4.1. Глаголы, содержащие семантику выполнения действия каузации при помощи инструмента (англ. 402 ПГ (42,4%), укр. 541 ПГ (53,3%)), представляют манипулятивную КС [Shibatani 1976: 259-267; Song 2001: 277], т.е. действие происходит при непосредственном физическом контакте каузатора с посессором с целью изъятия посессума из его собственности. В свою очередь инструментальные ПГ по семантике привлекаемого к каузации инструмента можно разделить на две группы: ПГ с семантикой использования инструментов-артефактов (англ. 226 ПГ, укр. 258 ПГ) и инструментов-соматизмов (англ. 176 ПГ, укр. 283 ПГ).

4.1.1. Инструментами-артефактами в работе принято считать конкретные объекты окружающего мира, намеренно изготовленные человеком для выполнения определенного действия, например англ. *scissors* 'ножницы', *a knife* 'нож', *a saw* 'пила'; укр. *сокира* 'топор', *обцењки* 'клещи', *рубанок* 'рубанок' и т.д.

Большинство глаголов этой группы не конкретизирует семантику инструмента-артефакта, который используется, а содержит обобщенное указание на использование любого острого инструмента (англ. 152 ПГ, укр. 176 ПГ), например англ. *to cut off* 'отрезать', *to pare* 'подрезать', *to chop off* 'отхватить'; укр. *відрізати* 'отрезать', *відхвтити* 'отхватить', *стинати* 'отрубать' и т.д. Меньшее количество глаголов содержит указание на использование конкретного инструмента-артефакта (англ. 74 ПГ, укр. 82 ПГ), например англ. *to axe* 'отрубить', *to shear* 'стричь', *to guillotine* 'гильотинировать'; укр. *відпилювати* 'отпиливать', *зголювати* 'сбривать', *кайлувати* 'отбивать киркой'. Среди инструментов-артефактов были зафиксированы 17 инструментов в английском языке и 10 в украинском, 7 из которых (ножницы, бритва, рубанок, топор, нож, пила, гильотина) являются общими для обоих языков.

Только в английском языке функционируют глаголы, для которых инструментом выступает пинцет/ эпилятор (например, *to defoliate*, *to depilate*, *to mullet*, *to tweezer* и т.д.), тесло (например, *to chip*, *to adze* и т.д.), полиграфические обрезные тиски (например, *to plough*, *to trim*, *to guillotine*), долото (например, *to boast*, *to chisel*), плотницкий инструмент (например, *to howel*, *to plough*), рашпиль (например, *to rasp*), лопата для свежевания кита/ тюленя (например, *to spade*), фуганок (например, *to try*), стамеска (например, *to gouge*), напильник (например, *to file away*), зубило (напри-

мер, *to broach*), кулинарная ложка (например, *to scoop*), хирургическое устройство (например, *to snare*).

Специфическим для украинского языка является функционирование ПГ с семантикой использования клещей, которые являются производными от одного корня (например, *відкушувати*, *обкушувати*, *повідкушувати*, *пообкушувати*). Так же только в украинском языке были зафиксированы глаголы, в которых инструментами-артефактами являются кирка (например, *кайлувати*) и специальные грабельки для сбора ягод (например, *обшморгувати*).

Количество инструментов, которые привлекаются к действию разрыва посессивного отношения, в обоих языках значительно отличается главным образом вследствие того, что в большинстве случаев семантика инструментальности в английских ПГ мотивирована семантикой существительных. Это обусловлено, прежде всего, тем, что глаголы английского языка образованы непосредственно от основ соответствующих существительных методом конверсии. В украинском языке часть инструментальных ПГ, мотивированных соответствующим однокоренным существительным для обозначения инструмента, значительно меньше из-за отсутствия в большинстве случаев словообразовательной связи между действием и инструментом обозначаемого действия.

4.1.2. Примерами глаголов, семантика которых указывает на привлечение в качестве инструмента каузации частей тела человека или животного (т.е. инструментов-соматизмов), являются англ. *to scratch off* 'отскрести', *to pinch off* 'отщипывать', *to bite off* 'откусывать'; укр. *відгризати* 'отгрызть', *відщипувати* 'отщипывать', *віддзьобувати* 'отклёвывать'. Инвентарь инструментов-соматизмов довольно незначительный по сравнению с инструментами-артефактами, т.к. количество частей тела человека или животного, способных выполнять инструментальную функцию, является ограниченным.

подавляющее большинство ПГ в английском и украинском языках не содержат конкретизирующих сем, указывающих на использование того или иного инструмента-соматизма (англ. 141 ПГ, укр. 222 ПГ), а имеют обобщенное указание на привлечение рук как наиболее часто употребляемого инструмента-соматизма, например англ. *to snatch away* 'выхватывать', *to tear off* 'отрывать', *to grab* 'выхватывать'; укр. *вихоплювати* 'выхватывать', *відривати* 'отрывать', *відбивати* 'отбивать' и т.п.

ПГ с конкретизацией семантики инструмента-соматизма (англ. 35 ПГ, укр. 61 ПГ) могут содержать указание на использование в качестве инструмента зубов человеком или животным (англ. *to bite off* 'откусывать'; укр. *відгризати* 'отгрызть'), клюва птицей (англ. *to peck* 'склёвывать'; укр. *скльовувати* 'склёвывать') или иметь указание на дальнейшую конкретизацию части рук, привлекаемых к каузации разрыва посессивного отношения, а именно указание на ладони, пальцы, ногти (у человека), когти (у животного), например англ. *to pinch off* 'отщипывать', *to scratch away* 'отскрести'; укр. *відшкрябувати* 'отскрести', *відщипувати* 'отщипывать' и т.п.

4.2. Еще одним видом разрыва посессивного отношения является каузация общественно-социальным действием (англ. 489 ПГ (51,6%), укр. 425 ПГ (41,9%)), когда изъятие посессума из собственности посессора связано с жизнью и отношениями людей в обществе, и действие происходит при контакте между людьми в социуме. Глаголы, относящиеся к этой группе, представляют собой директивную КС, т.е. ситуацию, которая не предусматривает непосредственного физического контакта между каузатором и посессором (исключением является ряд контактных ПГ в рамках подгруппы каузации противоправным действием (подробнее см. 4.2.2.)).

4.2.1. Незначительное количество ПГ (англ. 62 ПГ, укр. 68 ПГ) характеризуется базовой семантикой этой группы, т.е. не содержит конкретизирующих семантических признаков с последующей детализацией характера каузации, например англ. *to deprive* «to deprive of honour» [ShOED 1993: 522] ‘лишать чести’; укр. *дискваліфікувати* «позбавляти кваліфікації» [BTC 2005: 298] ‘лишать квалификации’. Приведенные примеры наглядно демонстрируют, что дальнейшая дифференциация этих глаголов происходит не за счет каузативного компонента семантической структуры глаголов, а за счет их посессивной семантики.

4.2.2. Наиболее репрезентативной в рамках семантического типа ПГ общественно-социальной каузации является группа глаголов с семантикой использования противоправного действия (англ. 274 ПГ, укр. 264 ПГ). Характер взаимодействия между каузатором и посессором в ПГ с семантикой противоправной каузации, как и для большинства глаголов этой подгруппы, может быть дистантным (директивная КС) (англ. 131 ПГ, укр. 145 ПГ), например англ. *to bleed* ‘вымогать деньги, доить’, *to hog* ‘заграбастать, прибрать к рукам’, *to trim* ‘вымогать у кого-либо деньги’; укр. *видавлювати* ‘выдавливать, вымогать’, *обдирати* ‘обдирать’, *загрибати* ‘загрести’, или указывать на использование контактного способа воздействия на посессора (манипулятивная КС) (англ. 143 ПГ, укр. 119 ПГ), например англ. *to steal* ‘воровать’, *to reef* ‘воровать из карманов’, *to rob* ‘грабить’; укр. *красити* ‘воровать’, *спіонерити* ‘спіонерити’, *грабувати* ‘грабить’. При этом ПГ второго типа также содержат имплицитную инструментальную сему, т.к. воровать конкретные предметы невозможно без использования рук.

4.2.3. Особенностью ПГ каузации правовым действием (англ. 153 ПГ, укр. 93 ПГ) является отсутствие контактных способов каузации в обоих анализируемых языках. Правовая каузация происходит исключительно дистантно, например англ. *to dock* «to deduct a sum of money from somebody's wages» [ShOED 1993: 588] ‘высчитывать денежную сумму из чьей-либо зарплаты’; укр. *вिसиновити* «вилучати з сім'ї, позбавляти спадщини» [BTC 2005: 150] ‘исключать из семьи, лишать наследства’.

Отличительным признаком английских и украинских глаголов с семантикой каузации правовым действием является способность конкретизировать семантику каузатора. По семантике каузатора единицы исследования в обоих языках делятся на:

1) ПГ, для которых каузатором выступает государство, правительство или другие официальные органы власти (полиция/ милиция, суд и т.д.),

направляя действие на посессора как гражданина государства (например, англ. *to requisition* ‘реквизировать’, *to expropriate* ‘экспроприировать’, *to sequester* ‘депонировать предмет спора у третьего лица’; укр. *націоналізувати* ‘национализировать’, *одержавити* ‘изымать собственность в пользу государства’, *реквізувати* ‘реквизировать’ и т.п.);

2) ПГ, для которых каузатор – это частное лицо, группа лиц или организация, которые направляют действие каузации на посессора как на частное лицо (например, англ. *to prepossess* ‘завладеть чем-то раньше других’, *to nibble* ‘постепенно лишать кого-либо прав, свободы и т.п.’; укр. *відзискати* ‘вернуть обратно через суд’, *відпозивати* ‘отсудить’ и т.п.).

4.3. Последним способом каузации, который был зафиксирован в семантике ПГ английского и украинского языков, является каузация вербальным действием (англ. 56 ПГ (5,9%), укр. 49 ПГ (4,8%)), т.е. каузатор изымает у посессора посессум при помощи речевых способов воздействия; данный тип ПГ по своей сути относится к директивному каузативу.

Единицы исследования с семантикой каузации вербальным действием могут указывать на использование собственно вербального действия, не имея конкретизирующих семантических признаков, которые содержат дальнейшую детализацию компонентов КС (например, англ. *to sponge* ‘выпрашивать (деньги)’, *to scrounge* ‘выпрашивать’; укр. *випрошувати* ‘выпрашивать’, *стріляти* ‘стрелять, выпрашивать’ и т.д.), или иметь конкретизирующие семантические признаки «интенсивности» или «причины» действия, представлять эмоциональную составляющую КС, описывать способ лишения или комбинировать эти признаки (например, англ. *to beg* ‘униженно выпрашивать’, *to beseech* ‘вымаливать’; укр. *вимагати* ‘требовать’, *вициганити* ‘выцыганить’ и т.д.).

5. Типологические наблюдения

Проведенное исследование позволяет сделать обобщения и выводы типологического характера относительно черт, которые являются общими или уникальными для каждого из языков.

5.1. В целом каузативная семантика в ПГ английского и украинского языков демонстрирует больше сходств, чем различий: базовые семантические типы, группы и подгруппы в значительной мере совпадают. В большинстве случаев наблюдается также корреляция между вербализацией отдельных аналогичных действий в обоих языках, например англ. *to sequester* «to take property away from the person it belongs to because they have not paid their debts» [Longman 2007: 1496] ‘забирать имущество у человека, которому оно принадлежит вследствие неуплаты долгов’; укр. *фантувати* «описувати і спродувати чийсь майно за борг» [СУМ 1970: 562] ‘описывать и распродавать чье-либо имущество в счет долга’. Единичные семантические лакуны были зафиксированы в английском и украинском языках только в рамках отдельных подгрупп, например англ. *to rasp* ‘снимать верхний слой рашпилем’: укр. – ; англ. – : укр. *кайлувати* ‘отбивать киркой’ и т.п.

5.2. Общим для английского и украинского языков является наличие в корпусе единиц исследования ПГ с семантикой использования как мани-

пулятивного, так и директивного каузатива. Причем глаголы с семантикой использования манипулятивного каузатива значительно преобладают в обоих языках (англ. 607 ПГ (64,1%), укр. 728 ПГ (71,7%)), в то время как ПГ директивного каузатива составляют меньшинство (англ. 340 ПГ (35,9%), укр. 287 ПГ (28,3%)). Таким образом, в английском и украинском языках изъятие посессума из собственности посессора происходит преимущественно за счет непосредственного физического контакта между каузатором и посессором и/или посессумом, и это позволяет сделать предположение, что действие, обозначаемое манипулятивным каузативом, является первичным относительно действия директивного каузатива. То есть человек осознает себя в окружающем мире, взаимодействии с другими людьми и окружающей средой прежде всего через физический контакт и лишь во вторую очередь через общественно-социальные отношения, которые находят свое выражение в действии, выражаемом директивным каузативом. Интересным также представляется тот факт, что количество ПГ директивного каузатива в украинском языке даже меньше, чем в английском, что объясняется большей стилистической вариативностью английских ПГ.

Действие манипулятивного каузатива предполагает непосредственный физический контакт каузатора с каузатом (от англ. *causee*, досл. 'тот, кого каузируют'). Но семантика ПГ английского и украинского языков показывает, что в случае с привативными глаголами каузация не всегда направлена непосредственно на посессора: взаимодействие с Y-ком происходит, если вообще имеет место, опосредованно через Z, непосредственно с которым и контактирует каузатор (например, англ. *to burgle* 'обворовывать (помещение)', *to rob* 'грабить'; укр. *красти* 'воровать', *грабувати* 'грабить' и т.п.).

В рамках манипулятивного каузатива действие лишения предусматривает обязательный физический контакт каузатора с посессором, когда:

1) Y и Z составляют единое функциональное целое и изъятие посессума из собственности посессора невозможно без физического контакта с ним (например, англ. *to cut away* 'отрезать', *to shave* 'брить'; укр. *відпізати* 'отрезать', *брити* 'брить' и т.п.);

2) отношение между Y и Z лежит в сфере имущественных отношений, и на момент каузации разрыва посессивного отношения они находятся в непосредственном физическом контакте друг с другом (например, англ. *to pickpocket* 'воровать по карманам', *to snatch away* 'выхватывать (из рук)'; укр. *зривати* 'срывать', *вихоплювати* 'выхватывать' и т.п.).

Таким образом, возникает определенное противоречие: с одной стороны, в современной лингвистике общепризнанным является утверждение, что действие манипулятивного каузатива всегда предполагает физический контакт между каузатором и каузатом [Shibatani 1976: 259-267]; с другой стороны, семантика привативных глаголов английского и украинского языков показывает, что возможны случаи, когда в рамках манипулятивного каузатива отношение между X и Y может быть как контактным, так и дистантным. Но это противоречие исчезает, если рассмотреть мани-

пулятивныи ПГ на уровне глубинной семантики, ведь отношения между X и Z всегда носит контактный характер.

5.3. Еще одной общей чертой манипулятивного каузатива в обоих рассматриваемых языках является обязательное использование инструмента для разрыва посессивного отношения (см. 4.1. и частично 4.2.2.). Первичным инструментом в процессе развития человеческого сознания и языка как его отражения становятся инструменты-соматизмы. Причем ПГ с семантикой использования инструментов-соматизмов составляют большинство в обоих языках (англ. 319 ПД (33,7%), укр. 402 ПД (39,6%)). Но следует отметить, что количество инструментов-соматизмов в обоих языках является незначительным по сравнению с инвентарём инструментов-артефактов, ведь количество частей тела человека, способных выполнять инструментальную функцию, несколько ограничено: в первую очередь это руки (и их части: ладони, пальцы, ногти), во вторую очередь ноги, зубы и т.д.

Вторичными относительно инструментов-соматизмов являются инструменты-артефакты (см. 4.1.1.). Следует тем не менее отметить, что на уровне глубинной семантики использование инструментов-артефактов также предусматривает использование рук. Стоит также обратить внимание на общую тенденцию английского и украинского языков в рамках ПГ с обобщенным указанием на использование инструмента-артефакта содержать сему привлечения к разрыву посессивного отношения именно острого инструмента, а не, скажем, тупого, тяжелого, широкого т.п.

Среди ПГ с конкретизацией семантики инструмента-артефакта в английском и украинском языках значительно доминируют глаголы с инструментом «ножницы» (англ. 24 ПГ из 74, укр. 21 ПГ из 82), что, возможно, обусловлено тем, что «для человека волосы это не просто часть тела, но и воплощение его глубоких убеждений, стремлений, надежд» [Esenova 2013: 46]. Оба исследуемых языка отражают это в своем лексическом составе, не просто номинируя действие, но конкретизируя тип ножниц, характер действия (аккуратное, небрежное действие) и т.п.

5.4. Показательным для понимания национальных особенностей является распределение ПГ по семантике каузации: в обоих языках наибольшее количество составляют глаголы с семантикой разрыва посессивного отношения при помощи инструмента (т.е. физического воздействия на посессора и/ или посессума). Следующей по количественному составу является группа ПГ с семантикой привлечения общественно-социального действия (противоправного или правового), и наименьшее количество в обоих анализируемых языках составляют ПГ с семантикой каузации вербальным действием. Такое семантическое распределение единиц исследования является свидетельством того, что обе нации в большей степени склонны к силовому изъятию собственности и в меньшей степени к использованию коммуникативных средств воздействия на посессора с целью извлечения посессума из его собственности.

Еще одной общей чертой, характерной для английского и украинского языков в рамках семантического типа ПГ каузации общественно-социальным действием, является доминирование глаголов с семантикой

использования противоправного действия над глаголами с семантикой использования правового воздействия. Это, с нашей точки зрения, можно объяснить не тем, что нации не являются законопослушными, а общей тенденцией языка в целом и английского и украинского в частности к более разнообразной и детальной номинации негативных явлений окружающего мира. В обоих языках наблюдается значительная стилистическая вариативность ПГ данной группы и многообразии конкретизирующих семантических признаков, которые детализируют место, интенсивность, способ действия и т.п.

Также привлекает внимание значительное расхождение количественных данных между английским и украинским языками в рамках группы ПГ со значением каузации правовым действием (см. 4.2.3.): количество английских глаголов почти в два раза превышает количество украинских с аналогичной семантикой. Можно выдвинуть предположение лингвокультурологического характера, что англоязычное общество является более нацеленным на правовое урегулирование имущественных отношений по сравнению с украинским.

6. Заключение

Привативность – это семантически сложная производная универсальная категория языка, которая, сочетая в своей семантической структуре три фундаментальные лингвистические категории (каузативность, посессивность и отрицание), в современных английском и украинском языках характерна исключительно для глаголов. Предложенное исследование освещает особенности семантики английских и украинских привативных глаголов, концентрируя внимание на общих и различных чертах.

В процессе исследования на основе каузативного компонента семантики были выделены основные семантические типы каузативного отношения в английских и украинских ПГ: каузация инструментом, общественно-социальным и вербальным действиями. В рамках выделенных типов была проведена более детальная классификация глаголов, с последующим распределением ПГ на группы и подгруппы (как, например, ПГ с семантикой правового и противоправного действия в рамках семантического типа каузации общественно-социальным действием).

В исследовании также излагаются типологические наблюдения и обобщения относительно семантики английских и украинских привативных глаголов: прослеживается корреляция и соотношение между манипулятивным и директивным каузативом, определяются отдельные семантические лакуны, приводятся предположения и выдвигаются гипотезы лингвокультурологического характера.

ЛИТЕРАТУРА

- Aristotle 1983 – *Aristotle. The Categories: On Interpretation // Works in Twenty Three Volumes. V.* Harvard: Harvard University Press, 1983.
Croft 1996 – *Croft W. Typology and Universals.* Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

- Dirven 2004 – *Dirven R., Verspoor M.* Cognitive Exploration of Language and Linguistics. Amsterdam: John Benjamins B.V., 2009.
- Esenova 2013 – *Esenova O.* Image Metaphors for Hair with the Animal and Plant Source Domains // *Acta Linguistica*. Sofia: Eurasia Academic Publishers. 2013. Vol 7. No 1. P. 46-55.
- Hamawand 2011 – *Hamawand Z.* The Semantics of English Negative Prefexes. Amsterdam: Equinox Publishing, Ltd., 2009.
- Heine 1997 – *Heine B.* Possession. Cognitive Sources, Forces and Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Heinemann 1995 – *Heinemann W.* Privativa. Linguistische Zugänge zu ihrer Determinierung // *Wort und Wortschatz. Beiträge zur Lexikologie*, 1995. P. 87-94.
- Hentschel 1998 – *Hentschel E.* Negation und Interrogation: Studien zur Universalität ihrer Funktionen. Tübingen: Niemeyer, 1998.
- Kaliuščenko 2000 – *Kaliuščenko V.D.* Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000.
- Kreidler 1998 – *Kreidler Ch.W.* Introducing English Semantics. London, New York: Routledge, 1998.
- Lieber 2004 – *Lieber R.* Morphology and Lexical semantics. N.Y.: Cambridge University Press, 2004.
- Longman 2007 – *Longman Dictionary of Contemporary English* / Eds. S.Bullock, A.Gadsby, etc. Edinburgh: Pearson Education Ltd., 2007.
- Martin 2004 – *Martin J.N.* Themes in Neoplatonic and Aristotelian Logic: Order, Negation and Abstraction. Aldershot: Ashgate Publishing Ltd., 2004.
- Mazon 2004 – *Mazon G.* A History of English Negation. Edinburgh: Pearson Education Ltd., 2004.
- Nedyalkov 1973 – *Nedyalkov V.P., Silnitsky G.G.* The typology of morphological and lexical causatives // *Trends in Soviet Theoretical Linguistics*. Dordrecht: D. Reidel, 1973. P. 1-32.
- Shibatani 1976 – *Shibatani M.* Causativization // *Syntax and Semantics*. N.Y., San Francisco, London: Academic Press, 1976. Vol. 5. P. 239-294.
- ShOED 1993 – *The New Shorter Oxford English Language Dictionary on Historical Principles*, by L.Brown. Oxford: Clarendon Press, 1993. V. 1. V. 2.
- Song 2001 – *Song J.J.* Linguistic Typology: Morphology and Syntax. Harlow: Longman, 2001.
- Trubetzkoy 2001 – *Trubetzkoy N.S.* Studies in General Linguistics and Language Structure. Durham: Duke University Press, 2001.
- Wierzbicka 1980 – *Wierzbicka A.* Why “Kill” does not Mean “Cause to Die”: The Semantics of Action Sentences // *Lingua Mentalis. The Semantics of Natural Language*. Sedney, New York: Academic Press, 1980. P. 159-184.
- Болдырев 2009 – *Болдырев Н.Н.* Категориальное значение глагола. Системный и функциональный аспекты. М.: УРСС, 2009.
- Бондаренко 1983 – *Бондаренко В.Н.* Отрицание как логико-грамматическая категория. М.: Наука, 1983.
- ВТС 2005 – *Великий тлумачний словник сучасної української мови* / Уклад. і голов. ред. В.Т.Бусел. К.: Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005.

- Головачева 1995 – Головачева А.В. Семантико-синтаксические посессивные структуры в западнославянских и русском языках // Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках. М.: Индрик, 1995. С. 173-245.
- Гуйванюк 2001 – Гуйванюк Н.В., Агафонова А.М. Антропоцентричний підхід до вивчення мовних явищ: (На матеріалі авторизованих конструкцій сучасної української мови). Чернівці: Рута, 2001.
- Иванов 1989 – Иванов Вяч.Вс. Синхронная и диахроническая типология посессивности // Категория посессивности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1989. С. 5-43.
- Иванов 1995 – Иванов Вяч.Вс. Типология лишительности (каритивности) // Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках. М.: Индрик, 1995. С. 5-59.
- Мельчук 1998 – Мельчук И.А. Курс общей морфологии [в 4 т.]. Т. 2. М., Вена: Языки русской культуры, Венский славистический альманах, 1998.
- Озерова 1978 – Озерова Н.Г. Средства выражения отрицания в русском и украинском языках. К.: Наукова думка, 1978.
- Паславская 1990 – Паславская А.И. Эксплицитное и имплицитное отрицание в современном немецком языке (на материале производной и непроизводной лексики): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1990.
- Писаркова 1974 – Писаркова К. Посессивность как грамматическая проблема (на примере польского языка) // Грамматическое описание славянских языков. Концепция и методы. М.: Наука, 1974. С. 171-176.
- Пославська 2004 – Пославська Н. Структура словотвірних парадигм дієслів із семантикою «ділити на частини, відокремлювати частину від цілого» // Вісник Львівського університету. Серія філологія. 2004. Вип. 34. Ч. 1. С. 63-69.
- Сильницький 1998 – Сильницький Г.Г. Семантическая валентность глагола и его разноуровневые характеристики в английском языке // Типология. Грамматика. Семантика: сб. ст. к 65-летию В.С.Храковского. СПб.: Наука, 1998. С. 246-260.
- Соколова 2003 – Соколова С.О. Префіксальний словотвір дієслів у сучасній українській мові. К.: Наук. думка, 2003.
- СУМ 1970 – Словник української мови / Під ред. І.К.Білодіда та ін.: у 10 т. К.: Наук. думка, 1970.
- Сыкало 2007 – Сыкало О.А. Семантика предикативной посессивности в английском языке // Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология. 2007. № 6 (31). С. 139-147.
- Чудинов 1990 – Чудинов А.П. Регулярное семантическое варьирование русской глагольной лексики: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Свердловск, 1990.